

Раны Нань Суминя, стараниями Ци Сана, который вовремя остановил кровь и перевязал их, уже не представляли угрозы, однако лицо юноши все еще оставалось болезненно бледным. Его усадили у неказистой стены, и он молча наблюдал за тем, как Линь Цюнчжи и Ци Сан о чем-то негромко совещались.

— Раз этот демон связан с делом об исчезновении учителя, мы не можем сидеть сложа руки. Ци Сан, когда у вас запланирована встреча с людьми из павильона Цзянфэн?

— Завтра на рассвете.

Линь Цюнчжи заходил взад-вперед, явно обеспокоенный тем, как мало времени осталось на подготовку.

— Есть ли способ за ночь инсценировать его побег, будто он прорвал печать? Я постараюсь как можно скорее связаться со своими людьми, чтобы они забрали его.

— Печать наложена с помощью дерева уцзинь, которое связано кровными узами с остальными охранниками. В одиночку мне ее не снять — слишком велик риск, что кто-то заметит.

Линь Цюнчжи кивнул, помолчал немного и произнес:

— Если печать не снять, придется действовать через тех троих из павильона Цзянфэн. Как у тебя с иллюзиями?

— ...Сложно сказать. Времени в обрез, к тому же один из них обладает силой Золотого ядра и при себе имеет артефакт, переданный наставником. Боюсь, в одиночку мне не создать морок, который не удалось бы раскусить. Если они заметят подвох, станет только хуже.

Ситуация была патовой: сам Линь Цюнчжи не мог покинуть пост на пике Цзяньмэньфэн и присутствовал здесь лишь в виде иллюзии, поддерживаемой магическим предметом. Нань Суминь же вовсе не владел никакими техниками и не мог управлять энергией. Попытаться в одиночку, как Ци Сан, противостоять правилам всего Цзяньмэньфэна и действовать безупречно — все равно что пытаться повалить дерево, будучи поденкой.

Из-за того, что события этой ночи развивались слишком стремительно, они долго спорили, но так и не пришли к единому решению. В конечном итоге было решено дожидаться завершения задания Ци Сана — то есть момента, когда демонического пса доставят на корабль Фаньсинчжоу — и лишь тогда продолжать тайное расследование.

Когда это произойдет, будет куда проще либо отправить людей на поиски логова пса в Чаоянган, либо попытаться отыскать другие зацепки.

— Не падай духом. Уровень совершенствования учителя уже достиг стадии Разделения духа, к

тому же у него есть осколок нефрита Куньлунь. Найти кого-то, кто смог бы доставить ему серьезные неприятности, будет трудно во всем Восточном континенте, так что... нам не стоит слишком переживать. Хотя вестей от него по-прежнему нет, по крайней мере, теперь у нас есть новая зацепка, мы уже не блуждаем в потемках, как полмесяца назад. К тому же А-Хун пришел в себя... Пусть он и забыл события, предшествовавшие уходу из гор, сегодня видно, что воспоминания могут вернуться — нужен лишь подходящий толчок.

Ци Сан намеренно обошел молчанием тот факт, что глава секты Цинсичжу до сих пор не оправился от тяжелых ран. Закончив свою речь, он мягко улыбнулся Нань Суминю, и тому не оставалось ничего, кроме как понимающе кивнуть.

Линь Цюнчжи лишь неопределенно хмыкнул, пробормотав:

— Путь далек и полон препятствий.

Уничтожив следы их пребывания в комнате, Ци Сан с помощью духовной энергии сжег талисман очищения и развеял пепел над местами, где на бамбуково-зеленой одежде Нань Суминя проступили пятна крови. Ткань мгновенно стала чистой, исчез даже запах.

За двадцать с лишним лет жизни Нань Суминь впервые видел столь действенный способ очистки. Из-за своей нынешней роли ему пришлось глубоко запрятать изумление.

Лишь благодаря обрывочным воспоминаниям Нань Чичжи он знал, что такие талисманы — вовсе не ширпотреб, как описывалось в прочитанных им некогда романах о совершенствовании. Чаще всего они были невероятно дорогими и редкими. Материал, из которого их изготавливали — ледяной нефрит, — встречался раз в столетие, к тому же рынок был монополизирован учениками знатных кланов. В конце концов, кто из них отказался бы всегда выглядеть безупречно? То же самое касалось и талисманов телепортации.

Двое друзей явно не поскупились, чтобы помочь Нань Суминю скрыть следы этой ночи.

— Я отведу А-Хуна обратно, пока не стало хуже и старейшины не подняли шум, — сказал Ци Сан.

Нань Суминь послушно протянул руку, ухватился за предложенный талисман телепортации и позволил Ци Сану взять себя за запястье, чтобы тот мог передать ему толику духовной энергии.

— И помни, о том, что произошло сегодня, никому ни слова... Ты ведь понимаешь, о ком я говорю? — вкрадчиво произнес Линь Цюнчжи.

В голове Нань Суминя промелькнули образы Цюй Шаньси и Цзян Синчжи. Он кивнул:

— Конечно, я понимаю.

По запястью разлилось знакомое ощущение текущей энергии. Нань Суминь смотрел, как по талисману разливается мягкое сияние, и, прежде чем свет охватил всю поверхность бумаги, обернулся к уже начинавшему таять силуэту Линь Цюнчжи:

— Старший брат, если бы однажды ты узнал, что человек, которому ты безгранично доверял, в какой-то момент начал тебя обманывать... что бы ты сделал?

Линь Цюнчжи пристально посмотрел на него и ответил вопросом на вопрос:

— ...Похоже, ты тоже начал сомневаться?

Нань Суминь не нашелся что ответить. Он хотел подготовиться к худшему и предугадать отношение Линь Цюнчжи к самому факту своего существования, но после такого вопроса решимость покинула его. Линь Цюнчжи добавил:

— Как бы ты это ни осознал, просто... А-Хун, остерегайся людей из клана Цзян.

Призрачная рука Линь Цюнчжи качнулась в сторону плеча юноши, но прошла сквозь него — он снова забыл, что сейчас лишь иллюзия.

Цинсичжу, ущелье Цинъя.

Золотистые заросли форзиции перекликались с далекими зелеными горами. В рокоте горного ручья время от времени слышалось утреннее пение птиц. В деревянном доме на сваях Цюй Шаньси, одетая в ярко-желтое, подобно цветам форзиции, платье, приводила себя в порядок перед зеркалом.

У входа бесшумно появилась женщина лет тридцати. На ней было бело-голубое платье, черные волосы были высоко подобраны, на лице — ни капли косметики. Хотя черты ее лица казались простоватыми, в них сквозила такая мягкость и спокойствие, что на нее хотелось смотреть бесконечно. Ночью Цюй Шаньси спала беспокойно, и пряди волос у лба торчали в разные стороны. Женщина зачерпнула немного воды из таза, пригладила непослушные волосы, а затем взяла расческу из рук Цюй Шаньси и принялась за прическу.

Глядя на отражение женщины в зеркале, Цюй Шаньси радостно спросила:

— Сестрица Цюэмин, когда ты вернулась?

Цюэмин с блеском в глазах улыбнулась:

— Только что, как раз принесла воды. Чай уже заварился, выпей чашечку перед уходом... Сегодня снова идешь в зал Нефэн присматривать за старшим братом?

— Сначала загляну в пещеру Цзюцю, проведу бабушку. Три дня назад она еще пребывала в медитации за барьером, не знаю, как она сейчас, — натянуто ответила Цюй Шаньси, не двигаясь с места.

Цюэмин немного помолчала, затем утешила ее:

— Она ведь прославленный мастер медицины, которую весь мир величает Девятью иглами, возвращающими душу. К тому же старейшины павильона Даньлоу день и ночь охраняют главную секту, помогая ей собирать духовную энергию. Госпоже не стоит так сильно волноваться.

— Да, все так говорят. Медитация и вправду полезна для восстановления сил... Но почему-то, чем больше я это слышу, тем тревожнее становится на душе. Лучше мне сходить и все увидеть самой... Хотя, по правде, толку от моего визита мало. Лекарства и духовные камни, что есть у меня, у бабушки тоже имеются, причем гораздо лучшего качества.

Цюэмин кивнула:

— Ваша искренняя сыновья почтительность — это самое главное, этого достаточно. Идите.

<http://bllate.org/book/19119/1877639>